

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОТИВА ЧУДА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА

Яковенко О.А.

ЛІНГВІСТИЧНА РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ МОТИВУ ДИВА В ТВОРАХ О.С. ПУШКІНА

У статті розглянуто мовні засоби репрезентації мотиву дива в творчості О.С. Пушкіна.

Диво в творах письменника характеризується амбівалентністю тлумачення: казкове диво та диво містичне, мовні засоби вираження яких різняться.

Ключові слова: мотив, диво, словотворче гніздо, парегменон.

Яковенко Е.А.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОТИВА ЧУДА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА

В статье рассматриваются языковые средства репрезентации мотива чуда в творчестве А.С. Пушкина. Чудо в произведениях писателя характеризуется амбивалентностью толкования: как чудо сказочное и мистическое, языковое выражение которых различается.

Ключевые слова: мотив, чудо, словообразовательное гнездо, парегменон.

Yakovenko E.A.

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE MOTIVE OF MIRACLE IN A.S. PUSHKIN'S WORKS

Language means of representation of the miracle motive in A.S. Pushkin's works are regarded in the article. In writer's works miracle is characterized ambivalently: as a fairy and a mystic miracle which differ in language means of representation.

Key words: motive, miracle, family of words, derivation.

Творчество А.С. Пушкина характеризуется яркой мифопоэтичностью. Его поэзия и проза вобрали в себя фольклорные, мифологические, христианские мотивы, образы и символы, преломляя их и наделяя индивидуально-авторскими характеристиками. В творчестве писателя прослеживается противопоставление реального и ирреального миров, которое находит выражение в языке его произведений. Одним из мотивов, связанным с ирреальным и находящим художественное воплощение в творчестве А.С. Пушкина, является мотив чуда.

В Большом энциклопедическом словаре находим следующее определение понятия *чудо*: 1) в религиозных и мифологических представлениях сверхъестественное явление, вызванное вмешательством божественной, потусторонней силы. 2) (перен.) нечто поразительное, удивляющее своей необычностью [2, с. 644].

Чудо в творчестве А.С. Пушкина проявляется как *чудо* сказочное (волшебное) и как мистическое (христианское) *чудо*, связанное с откровением, вмешательством высших сил в мир естественный, реальный. Способы языкового представления сказочного и мистического чуда в произведениях писателя различны.

Наиболее ярко мотив сказочного чуда проявляется в «Сказке о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Сал-

тановиче и о прекрасной царевне Лебеди». Можно назвать эту сказку «самой чудесной» из сказок А.С. Пушкина. Проанализировав текст сказки, мы обнаружили чрезвычайно высокую плотность насыщения текстового пространства сказки лексическими единицами с семой чуда, которые составляют два синонимичных словообразовательных гнезда: с корнем *чуд-* и корнем *див-*.

Зафиксировано 28 случаев употребления лексических единиц, входящих в состав словообразовательного гнезда с корнем *чуд-*, и 22 случая использования лексических единиц, образующих словообразовательное гнездо с корнем *див-*: *В гневе начал он чудесить; Чудо видят наяву; И какое в свете чудо?; В свете же вот какое чудо; Царь Салтан дивится чуду; Чудный остров навещу; Чудный остров навестить; Вот что чудом-то зовут; Чуду царь Салтан дивится; Чудо чудное завестъ / Мне б хотелось; Диво, право, не безделка; Это чудо знаю я; И какое в свете чудо?; В свете же вот какое чудо; Царь Салтан дивится чуду; Чудный остров навещу; Чудный остров навестить; Что тут дивного?; В свете есть иное диво; Это диво, так уж диво; Диву царь Салтан дивится; Диво б дивное хотел; А какое же это диво?; Это чудо знаю я; И какое в свете чудо?; В свете же вот какое чудо; Каждый день идет там диво; Царь Салтан дивится чуду; Чудный остров навещу; Дива я не вижу тут. / В свете ль есть такие дива?; Это диво,*

так уж диво; Чуду царь Салтан дивится; Мать с иконой чудотворной; И какое в свете чудо?; В свете ж вот какое чудо; Да чудесница какая!; Там еще другое диво; Чудный остров навеситъ; Удивляются оне / Незнакомой стороне; Княгиня – диво [5, Т.3, с.364; с.369; с.371; с.372; с.373; с.376; с.377; с.378; с.379; с.382; с.383; с.384; с.386; с.388; с.389; с.390; 391].

Для сравнения рассмотрим частотность использования слов с этими корнями в других сказках А.С. Пушкина. Так, в «Сказке о рыбаке и рыбке» находим по одной лексической единице с корнем *чуд-* и *див-*: *Удивился старик; Рассказал ей великое чудо* [5, Т.3, с.393; с.394]. В «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» – 2 лексических единицы с корнем *див-* и одну с корнем *чуд-*: *и не диво, что бела; Что за диво!; Что за чудо?* [5, Т.3, с.402; с.405; с.410]. В «Сказке о золотом петушке» – 2 лексических единицы с корнем *чуд-*: *Что за чудо?; Всё в безмолвии чудесном* [5, Т.3, с.422].

«Чудесность» сказки о царе Салтане выстраивается композиционно: поэт описывает волшебные, необычные события: чудесное рождение, рост и спасение князя Гвидона с матерью, внезапное появление красивого города, где все богаты и счастливы, чудесное превращение князя Гвидона в насекомых и др. На лексическом уровне «чудесность» подкрепляется словами с корнями *чуд-* и *див-*: *чудо, чудный, диво, дивный, дивится, дивное*. Парегменон, выраженный на грамматическом уровне регулярным соположением однокоренных и разнокорневых слов разных частей речи (*чудо чудное, диво дивное, диву дивится, дивится чуду*), повтор существительного *диво* в одном стихе (*Это диво, так уж диво*) усиливают общую семантику *чудесности*.

В основном мотив *чуда* в сказке реализуется с характерной для сказок положительной коннотацией, прилагательное *чудотворная* при существительном *икона* связан с христианской верой в чудо благословения, вместе с тем встречаем в тексте сказки существительное *чудесница*, определяющее существительное *белка* которое означает «кто чудит, чудесит; проказник, чудака» [3, с.612], несущее несколько трансформированную коннотацию.

Рассмотрим фрагмент, в котором Царь Салтан получил подметное письмо:

*Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить* [5, Т.3, с.364].

Глагол *чудесить*, входящий в словообразовательное гнездо с корнем *чуд-*, трансформирует положительную коннотацию мотива *чуда* в отрицательную, так как семантика глагола имеет негативный оттенок: «чудесить – дивить, мудрить,

делать что, придумывать, строить, хитрить; странничать, чудачить; дурить, проказить с умыслом; сумашествовать, сумасбродничать» [3, с.612]. Сюжетная канва, а также соположение в одном стихе глагола *чудесить* с обстоятельством в *гневе* актуализируют значение слова «сумашествовать, сумасбродствовать».

Мотив *ужасного чуда* находит свою реализацию в «Сказке о золотом петушке». Царь Дадон посылает одного за другим своих сыновей, в поход, и по их невозвращении отправляется в поход сам. Дойдя до места, где пропали сыновья, Дадон восклицает: *Что за чудо?* [5, Т.3, с.422]. В данном контексте *чудо* реализует свое значение «странный, поразительный», Дадон не находит ничего: ни живых сыновей, ни павших войск. Описание пространства вокруг шатра характеризуется *чудесным безмолвием*, которое ассоциируется с созидательной тишиной: *Всё в безмолвии чудесном* [5, Т.3, с.422]. Антифраза трансформирует положительную характеристику пространства в *чудовищную*: *Что за страшная картина!* [там же]. Эпитеты *чудесное* и *страшная* контекстуально сближаются.

Сон Татьяны и сон Григория Отрепьева характеризуются автором и самими героями как *чудные* сны. В описании сна Гришки реализуется значение «странно»: *И три раза мне снился тот же сон. / Не чудно ли?* [5, Т.6, с.25]. В описании сна Татьяны *чудный*, в значении «странный», трансформируется в *ужасный*, мы обнаруживаем контекстуальный синонимический ряд, члены которого связаны отношениями градуальности *чудный – страшней – чуднее – ужасно: И снится чудный сон Татьяна, Еще страшней, еще чуднее, И Тане уж не так ужасно* [5, Т.5, с.128; с.131; с.132].

В песне «Видение короля» значение слова *чудное* также становится синонимичным страшному, ужасному, превращаясь в *чудовищное* с помощью антифразы:

*Тут он видит чудное виденье:
На помосте валяются трупы,
Между ими хлещет кровь ручьями,
Как потоки осени дождливой,
Он идет, шагая через трупы,
Кровь по цыколотку ему достягает...* [5, Т.3, с.258].

Христианское чудо связано в трагедии «Борис Годунов» с монахом-летописцем Пименом. М.М. Дунаев характеризует фигуру Пимена в трагедии «Борис Годунов» как наиболее «художественно и духовно» совершенный образ русского православного инока: «Формально – то персонаж третьестепенный в образной и сюжетной системе трагедии. А по истине духовной – он из главных» [4, с.242]. В уста Пимена вкладывается христианское представление о *чуде* как о физическом про-

явлении силы Бога на земле:

*Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны* [5, Т.6, с.29 – 30].

Лексическим проявлением мотива *чуда* являются существительные *чудеса святых угодников, пророчества, знаменья небесны* как послания Бога людям и проявления силы Бога: «Чудо, понятое как «знамение», входит в состав идеи откровения и отделяется непереступаемой гранью от любого необычного природного процесса. И откровение, и Чудо суть, с точки зрения теизма, прорывы из сверхъестественного в естественное, из мира благодати в мир природы. Свершителем такого может быть только Бог» [1, с.499]. Наречие *лукаво* в первом стихе актуализирует сему бесовства. Пинен подчеркивает необходимость внутренней борьбы за чистоту веры, за правду, преодолевающей *лукавого*.

В трагедии происходит своеобразная подмена христианского значения *чуда*. Игумен, рассказывая, как к нему примкнул Григорий Отрепьев, говорит: *Смолоду постригся неведомо где, жил в Суздале, в Ефимьевском монастыре, ушел оттуда, шатался по разным обителям, наконец пришел к моей чудовской братии...* [5, Т.6, с.31]. *Чудовской братией* Игумен именует монахов Чудова монастыря, как будто наделяя их способностью свершения *чудес*, которая, по христианским верованиям, присуща только Богу.

Самозванец (Григорий Отрепьев) представляется народу царевичем, который выжил и вернулся в мир: *Обдумал я, готовил миру чудо* [5, Т.6, с.79]. Значение слов *обдумал, готовил чудо* противоречит христианскому представлению о нем. Чудо нельзя подготовить, его свершителем может быть только Бог. Замечание Шуйского о слухе про выжившего наследника царского престола актуализирует значение воскрешения и, вместе с тем, стирает его, звуча иронично, и даже саркастически: *Царевич жив! ну подлинно чудесно. / И только-то?* [5, Т.6, с.50]. Конструкция *Царевич жив! ну подлинно чудесно* актуализирует значение наречия *чудесно* в христианском ключе, а затем замечанием *И только-то?* полностью его стирает, умаляет его значение (о *чуде* нельзя сказать *И только-то?*).

В устах Бориса Годунова мотив *чуда* реализуется с помощью наречия *дивно*:

*Наследую могущим Иоаннам –
Наследую и ангелу-царю!..
О праведник! о мой отец державный!
Воззри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь так дивно возвеличил,*

*Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты* [5, Т.6, с.20].

Наречие *дивно* приобретает в контексте трагедии значение, антонимичное традиционному, выявляет признаки контекстуальной энтимемии. Многие персонажи трагедии называют путь, которым царь пришел к власти, это вербализуется в лексических единицах, формирующих словообразовательное гнездо с корнем *зло-*: *злодеянье, злодей, злодеи, злое дело*, наблюдаем дистантный повтор в монологах и репликах разных персонажей словосочетания *ужасное злодейство*, которое становится синонимичным выражению Пимена *кровавый грех*, а Борис называет этот путь с помощью наречия *дивно*.

Как отмечает В. Непомнящий, «драматическая система Пушкина построена не на взаимоотношениях отдельных лиц и даже групп лиц между собою и не на связях одних событий и поступков с другими. Она построена на взаимоотношениях человека с мирозданием, с Абсолютным» [4, с.244]. В своем монологе при посвящении на трон Борис признает, что любовь Всевышнего к нему уже в прошлом, что выражается формой прошедшего времени глагола *любил*, дистантное соположение однокоренных слов *праведник – праведен, благословенье – благ* воплощает надежду Бориса на прощение, а сравнение себя (убийцы) с Богом звучит кощунственно даже при модальности желательности.

Итак, анализ мотива *чуда* в творчестве А.С. Пушкина показал, что следует различать в его произведениях *чудо* сказочное и мистическое. Волшебное *чудо* реализуется в сказках писателя. Положительная коннотация *чуда* реализуется в «Сказке о царе Салтане», где находим многократное использование автором лексических единиц, входящих в словообразовательное гнездо с корнем *чуд-* и *див-*. Парегменон, выраженный соположением однокоренных слов с корнями *чуд-* и *див-* и разнокорневых синонимичных слов, усиливает общую семантику *чудесности*. В других сказках, в трагедии «Борис Годунов», романе в стихах «Евгений Онегин», песне «Видение короля» значение мотива *чуда* трансформируется в мотив *ужасного*, происходит подмена христианского понимания *чуда*, семантика слова *чудо* и характер событий, описываемых производными от него словами, сталкиваются и противопоставляются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. София – Логос. Словарь / Сергей Аверинцев. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. – 912 с.
2. Большой энциклопедический словарь: в 2-х т. / [гл. ред. А.М. Прохоров]. – М.: Сов. энцик-

лопедия, 1991. – Т. 2. – 1991. – 768 с.

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах / Владимир Иванович Даль. – М.: Рус.яз.– Медиа, 2006. – Т. 4 – 2006. – 683, [3] с.

4. Дунаев М.М. Православие и русская литература / Михаил Михайлович Дунаев. В 6-ти

частях. – [Издание второе, исправленное, дополненное]. – М.: Христианская литература, 2001. – Ч. I-II. – 2001. – 736 с.

5. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 8-ми томах / Александр Сергеевич Пушкин. – М.: Художественная литература, 1969. – Т. 3. – 1969. – 456 с. – Т. 5. – 1969. – 318 с. – Т. 6. – 1969. – 288 с.